

УДК 323.28

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.091-096

ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ МАГНУТОВ,

соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: magnutov_u_s@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ЕГО СПЕЦИАЛЬНЫМ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ

Для цитирования

Магнатов, Ю. С. Международно-правовые основы противодействия экстремизму и его специальным организованным формам / Ю. С. Магнатов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 1. – С. 91–96. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.091-096.

Аннотация. В статье представлен международный опыт противодействия экстремизму и его специальным организованным формам. Исследование посвящено изучению двух методологически неразрывно связанных направлений. В рамках первого продемонстрировано состояние межгосударственного взаимодействия, нацеленного на борьбу с организованной преступностью, частной разновидностью которой выступает экстремистская деятельность. Анализ зарождения и развития конвенционных основ противодействия транснациональной преступности показал, что Российская Федерация поступательно имплементирует международные рекомендации в исследуемой области, тем самым становясь полноправным субъектом такого рода сотрудничества. В рамках второго направления изучены международные основы борьбы с различными формами проявления экстремистской и террористической деятельности. Отмечено, что на площадке Организации Объединенных Наций создан значительный комплекс рекомендаций, совместная реализация которых способна снизить организованную экстремистско-террористическую активность. В результате проведенного исследования отмечен необоснованный уход в международно-правовом нормотворчестве от дефинирования понятия «экстремизм» и «насильственный экстремизм». Вместе с тем задекларирована необходимость усиления превентивного воздействия на распространение экстремистских идеологий и вовлечение новых членов экстремистских сообществ и организаций путем поощрения политики терпимости. Признано, что экстремистская и террористическая деятельность является особой формой организованной преступности.

Магнатов Ю. С., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, борьба, международное сотрудничество, организованная преступность, конвенция, резолюция.

Экстремизм – это проблема не отдельного региона или государства. В настоящее время особая экстремистская активность наблюдается на всей планете. Цивилизованное международное сообщество накопило значительный объем знаний об этом феномене, использование которого в национальных законодательствах может способствовать повышению уровня эффективности противодействия экстремистской деятельности, осуществляемой и в особых организованных формах [1, с. 373–377; 2, с. 146–155]. Это побудило нас к проведению исследования интернационального опыта борьбы с различными формами групповой преступности, в том числе основанной на мотивах ненависти или вражды.

Считаем обоснованным начать анализ взятого для изучения направления с рассмотрения положений Устава Международного военного трибунала [3, с. 146–153]. Еще в прошлом веке была сформирована позиция о необходимости, исключительности и обусловленности борьбы с международными преступлениями совместными усилиями, что подтверждают слова Джеффри Лоуренса, открывшего первое судебное заседание Международного военного трибунала 20 ноября 1945 г.: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре» [4, с. 356–357]. Полагаем, что в нем и были заложены знаковые международно-правовые основы противодействия экстремизму и его организованным формам. В частности, преступность, основанная на политических, религиозных и расовых мотивах, была выделена и включена в группу деяний против человечности. В анализируемом документе названы и возможные виды ее соучастников (руководитель, организатор, подстрекатель и пособник), что в принципе сегодня заложено в юридико-технических конструкциях уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за специальные, организованные формы экстремистской деятельности. В частности, в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ криминализована деятельность организатора, руководителя и пособника, в ч. 1.1 – поведение подстрекателя. Вместе с тем отмечено пять разновидностей соучастников криминальной деятельности [5, с. 76–79]. Кроме указанных в ст. 33 УК РФ, предлагается выделять руководителя. На этом особый акцент сделан в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом и Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму [6]. Хотя указанный вид соучастника и не закреплен в нормах Общей части УК РФ, однако уголовно-правовая оценка такого поведения предусмотрена в Особенной части уголовного закона. Подобный прием мы наблюдаем в области борьбы как с террористической преступностью (ст. 205.4 УК РФ), так и с организацией преступного сообщества (ст. 210 УК РФ). В настоящий момент мы констатируем полную имплементацию международных положений в национальное уголовное законодательство, что указывает на активное участие России в противодействии распространению экстремизма и терроризма.

В рамках рассмотрения следующего акта – Римского статута Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) – подчеркнем, что преступная деятельность, основанная на политических, расовых, национальных, этнических, культурных, гендерных и религиозных побуждениях, также отнесена к группе деяний против человечности (ст. 7). Отмеченная позиция ставит вопрос о допустимости пересмотра направления система-

тизации преступлений экстремистской направленности в национальных уголовных законодательствах. Кстати, в этом же документе отражены и основополагающие признаки соучастия, относя к таковым: совместность действий, общую цель и умысел (ст. 25).

Еще раз подчеркивая, что экстремизм – это особая форма организованной преступности, считаем методологически верным остановиться на рассмотрении тех универсальных международных соглашений, в рамках которых раскрываются общие и специальные признаки совместной преступной деятельности, в том числе и экстремистской направленности.

В качестве базового документа в исследуемой нами области выступает Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). В ней дано понятие организованной группы, активно используемое в российском уголовном законодательстве. Подчеркнем, что экстремистское сообщество, признаки которого отражены в ст. 282.1 УК РФ, также является разновидностью организованной группы, что подтверждается положениями не только диспозиции этой статьи, но и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Основной отличительной чертой международных рекомендаций и положений национального законодательства является количественный состав участников организованной группы. Так, если в России при определении ее численных признаков используется классический прием института соучастия, определяющий минимальный состав в виде двух субъектов, обладающих всеми юридически значимыми признаками (физическое лицо, вменяемость, возраст), то в рассматриваемой Конвенции указано, что их должно быть не менее трех. С нашей точки зрения, использование предлагаемого подхода решило бы многие проблемы, в том числе и системного содержания, как при разграничении организованной группы от группы лиц по предварительному сговору, так и при правовой оценке организованных форм экстремистской деятельности. Будем надеяться на то, что Верховный Суд РФ, обобщив судебно-следственную практику, демонстрирующую современное состояние процесса квалификации групповой преступности, изложит в соответствующем акте новую позицию о количественном составе организованной группы и с учетом рекомендаций, отраженных в Конвенции ООН от 15 ноября 2000 г., установит минимальное число ее участников в составе трех. Это нужно было сделать уже давно, так как, ратифицировав этот документ, государство берет на себя обязательства учесть его основные положения при совершенствовании национального законодательства (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Представленная позиция апробирована за рубежом. В частности, в ст. 416 Уголовного кодекса Италии установлена ответственность за создание или организацию преступного сообщества (*Associazione per delinquere*) [7]. К его криминообразующим признакам отнесены: количество участников – три и более человека; цель – совершение большого количества преступлений. Аналогичная норма, отраженная в ст. 210 УК РФ, имеет принципиально иные конструктивные характеристики. Полагаем, что они более фундаментально отражают сущность преступной организации. Вместе с тем количественный критерий остался за рамками внимания законодателя, хотя такой подход был бы полезен как в развитии дальнейшей стратегии противодействия организации преступного сообщества и участию в нем, так и в борьбе с распространением организованных форм экстремистской деятельности, относимых к транснациональной преступности. Однако на этот счет у государства есть ответ. Он изложен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов

и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Ссылаясь в преамбуле на ч. 4 ст. 15 Основного Закона, отмечено, что Россия выступает за соблюдение взятых на себя обязательств и их добросовестное выполнение. Международным соглашениям принадлежит главная роль в сфере охраны наиболее значимых благ и ценностей. Тем самым констатируется необходимость дальнейшего совершенствования правоохранительной деятельности в части реализации принятых норм международного права на государственном уровне. Однако международные уголовно-правовые нормы не могут применяться без включения указанных в них деяний в Уголовный кодекс Российской Федерации, хотя полностью противоположный прием допускается при регулировании гражданско-правовых и административно-правовых отношений. Как правильно отмечается в науке уголовного права, о том, как поступать в случае несоответствия норм международного соглашения уже имеющимся положениям, отраженным в национальном уголовном законодательстве, ничего не говорится [8, с. 73]. Именно с такой ситуацией мы и столкнулись, и она требует незамедлительного разрешения.

Определив в целом основы и общую стратегию всего цивилизованного мирового сообщества в борьбе с организованной преступностью, необходимо соотнести их с подходами, имеющимися в международном праве, формирующими направления противодействия групповым формам экстремистской деятельности. Здесь также существует достаточное количество актов, определяющих содержание рассматриваемого сектора транснационального сотрудничества, сконцентрировавших свое внимание на мотивационной основе экстремизма. Нельзя не согласиться с мнением ученых в том, что главное побуждение, толкающее людей на сплочение и совершение совместных экстремистских актов, – это протест против несправедливого общественного и государственного устройства [9, с. 72].

Главная концепция международного сотрудничества в исследуемой области построена на отрицании экстремистской деятельности как средства политической борьбы [10, с. 175]. Учитывая значительное количество транснациональных соглашений, посвященных исследуемой проблеме, сконцентрируем внимание на тех, где прослеживаются механизмы противодействия организованным формам преступной деятельности, обусловленной мотивами ненависти или вражды.

Вначале необходимо остановиться на изучении мнения Организации Объединенных Наций, определяющей современные общемировые направления противодействия экстремистской деятельности.

Первым источником, где была закреплена дефиниция «экстремизм», стала Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 49/60, принятая в 1994 г. В ранее разработанных международных актах основной акцент был сделан на борьбу с терроризмом (Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, г. Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята Резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.; Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, г. Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г.).

В рассматриваемой Резолюции отмечено, что главной детерминантой террористической деятельности выступает нетерпимость и экстремизм, тем самым подчеркивается их генетически-методологическая связь и определяются деяния, их охватывающие, как преступления, тесно связанные с терроризмом. Такой прием нашел поддержку и в Российской Федерации в рамках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», однако понятия экстремизма, как и определения его концептуальных признаков, в нем не дается.

В изучаемом документе особое внимание уделено очень важной характеристике, присущей рассматриваемой группе криминально-делинквентного поведения, – особой форме организованности такой деятельности. В частности, для ее описания используются такие категории, как «террористические группы» и «полувоенные банды». Отдельно отмечены и виды соучастников, что предлагает формирование специальных механизмов юридического реагирования на действия подстрекателей, лиц, финансирующих такого рода криминальную деятельность, а также иным образом содействующих ей. Положения рассматриваемого международного нормативного правового акта фактически дали старт и легитимизировали возможность использования однокоренных с экстремизмом понятий в дальнейшей нормотворческой деятельности. Например, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 «Права человека и терроризм» следующие характеристики исследуемого феномена. Традиционным осталось представление о неразрывной связи террористической и экстремистской деятельности. Особо выделены религиозные и этнические разновидности экстремизма. Представлено понятие «террористическая группа», в целом характеризующее особый организованный формат этой деятельности. Как и в предшествующем документе, акцент сделан на лицах, не только непосредственно совершающих террористические акты, но и способствующих их совершению путем финансирования, планирования, предоставления убежищ или оказывающих поддержку иным образом.

Ровно через десять лет была принята еще одна Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/127 «Мир против насилия и насильственного экстремизма». В оборот введен новый термин, характеризующий исследуемое явление, – «насильственный экстремизм». Отмечено, что главными причинами его распространения являются войны и вооруженные конфликты. Подчеркнуто, что экстремизм не может ассоциироваться с какой-либо нацией или религией. Мы полностью разделяем эту позицию. Обращено внимание на особый организационный формат насильственного экстремизма и представлено направление по борьбе с пропагандой распространения экстремистских идеологий, в том числе и в телекоммуникационных сетях. В настоящее время оно является одним из наиболее актуальных. Связано это с тем, что основная масса новых участников экстремистских организаций вовлекается в виртуальном пространстве. Сеть «Интернет» перенасыщена ресурсами, распространяющими экстремистские идеологии, и призывами вступления в их группы. Полагаем, что это существенно меняет характеристики организованных форм экстремистской деятельности и требует принятия незамедлительных организационно-правовых мер, нацеленных на нейтрализацию пропаганды в телекоммуникационных сетях. Полностью поддерживая все направления, изложенные в анализируемой Резолюции, отметим, что ее эффект был бы существенно выше в случае закрепления понятия «насильственный экстремизм». Это позволило бы консолидировать и унифицировать усилия в исследуемой области, тем самым добиться снижения экстремистской активности. Изложенное подтверждается положениями резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 2015 г. № 70/109 «Мир против насилия и насильственного экстремизма», одно из которого – разработка всеобъемлющего подхода к противодействию распространению насильственного экстремизма и его детерминант. Главной его содержательной частью должна стать идея «поощрения терпимости». Считаю, что предложенный подход будет эффективным и в области снижения уровня вовлеченности в ряды участников организованных форм экстремистской деятельности.

Схожая резолюция была принята в 2017 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2017 г. № 72/241 «Мир против насилия и насильственного экстремизма»). В ней внимание уделено консолидации усилий в борьбе с насильственным экстремизмом.

Не умаляя достоинств рассмотренных документов, подготовленных под эгидой ООН, в целом представляющих общемировую стратегию борьбы с экстремизмом, полагаем, что незаслуженно мало внимания уделено признакам организованных форм экстремистской деятельности, а также направлениям противодействия им.

Подводя итог, сделаем несколько выводов, демонстрирующих общемировую стратегию противодействия экстремизму и его организованным формам:

– террористическая и экстремистская деятельность рассматриваются как неразрывно-взаимообусловленные явления;

– имеется настоятельная необходимость дальнейшего усиления противодействия экстремизму и терроризму путем расширения межгосударственного сотрудничества с применением общепризнанных унифицированных юридико-технических механизмов и организационно-тактических мер;

– поведение экстремистско-террористического толка является особой формой криминально-организованной деятельности;

– в качестве основного методологического изъяна выступает отсутствие закрепленного на нормативном уровне понятия «экстремизм» и его признаков.

Библиографический список

1. Петрянин А. В. Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника : сб. ст. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. С. 373–377.

2. Петрянин А. В. Экстремизм как конвенциональное преступление // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 146–155.

3. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М. : Юрид. лит., 1987–1999. Т. 8. 792 с.

4. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М. : Юридическая литература, 1987–1999. Т. 1. 688 с.

5. Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / науч. ред. А. В. Наумов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 250 с.

6. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом : сб. док. / сост. В. С. Овчинский. М. : ИНФРА-М, 2003. 479 с.

7. Codice Penale 2020, Aggiornato con le ultime modifiche legislative introdotte, da ultimo, dalla L. 14 agosto 2020, n. 113 e dal D.L. 16 luglio 2020, n. 76 (Decreto Semplificazioni), viewed 17 January 2021, <https://www.brocardi.it/codice-penale>.

8. Горемычкин И. Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 201 с.

9. Лопатин И. Д. Экстремизм как социально-политическое явление современного мира (особенности его возникновения и развития в России) : дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2007. 192 с.

10. Бешукова З. М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 632 с.